

и отказа от судебного иммунитета, а также способы и момент такого отказа, действие судебного иммунитета при предъявлении встречного иска и процессуальном соучастии. В связи с вышеизложенным, предлагается дополнить главу 27 ХПК соответствующими положениями.

Литература:

1. Богуславский, М.М. Иммунитет государства / М.М. Богуславский. — М.: ИМО, 1962. — 232 с.
2. Светланов, А.Г. Международный гражданский процесс: современные тенденции / А.Г. Светланов. — М.: Остожье, 2002. — 181 с.
3. Международные сделки: Краткий курс: учеб. пособие по правовед. и экон. спец. : пер. с англ. / Р.Х. Фолсом, М.У. Гордон, Дж.А. Спаногл. — М.: Логос; Будапешт: COLPI, 1996. — 527 с.

ГЕНЕЗИС ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Бибилко В.Н., доктор юридических наук, профессор,
Белорусский государственный университет

Гражданские процессуальные правоотношения являются разновидностью правоотношений как отношений, урегулированных нормами права. В генезисе гражданских процессуальных отношений необходимо различать «правоотношение-модель» и «правоотношение-отношение».

Гражданские процессуальные правоотношения-модели представляют собой заложенные в законодательстве варианты прав и обязанностей субъектов права. Именно на их основе формируется фактические гражданские процессуальные правоотношения-отношения.

В гражданском процессуальном законодательстве сконцентрированы нормы, которые служат базой для существования гражданских процессуальных правоотношений. Понимание гражданских процессуальных норм как моделей поведения предполагает, что они не являются и не могут быть ни реальным поведением, ни существующим правоотношением, а представляют собой лишь мысленный образ поведения. Без нормы гражданского процессуального права не может возникнуть ни гражданское процессуальное «правоотношение-модель», ни «правоотношение-отношение». Нормы права являются источником появления правоотношений. Нормы и правоотношения — соотносимые понятия.

Гражданское процессуальное «правоотношение-модель» индивидуализирует поведение субъекта. При этом его качество сохраняется, то есть мысленный образ остается, но он уже индивидуализирован. Нельзя, однако, отождествлять мысленную модель поведения с самим индивидуальным поведением, поскольку модель существует в области сознания. Правоотношение на данном этапе развития еще не возникает, имеется лишь модель предполагаемой социальной связи. Гражданские процессуальные «правоотношения-модели» возникают в рамках гражданского процесса. На их основе возникают конкретные гражданские процессуальные «правоотношения-отношения», то есть фактические отношения, существование которых порождает субъективные права и обязанности их участников.

«Правоотношение-отношение» отображает «правоотношение-модель». Образ должен быть адекватен оригиналу. «Правоотношение-модель» это как бы «чистое» общественное отношение, урегулированное нормами гражданского процессуального права и запечатленное в сознании субъекта. Гражданское процессуальное «правоотношение-отношение» хотя и соответствует «правоотношению-модели», однако по своему содержанию богаче, поскольку на него оказывают влияние иные отношения, например экономические, нравственные, религиозные и т.д.

В нормах гражданского процессуального права заложены модели всех возможных гражданских процессуальных правоотношений. Эти модели будут общими для всех случаев возникновения индивидуальных правоотношений-отношений. Какие конкретно из этих моделей разовьются в действующие гражданские процессуальные правоотношения, зависит от особенностей реального юридического конфликта, который предстоит разрешить в ходе развития гражданских процессуальных «правоотношений-отношений». Однако это не означает, что остальные модели правоотношений являются лишними. Они необходимы при производстве иных гражданских дел.

Наличие конкретного гражданского дела является основой для преобразования моделей-правоотношений в различные правоотношения-отношения. Например, в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее — ГПК) содержится норма, предусматривающая возможность обжалования сторонами решения суда первой инстанции. В этой норме заключена модель-правоотношение. Она существует до производства по конкретному гражданскому делу. Если начался вестись гражданский процесс, то его участниками являются конкретные субъекты (физические и юридические лица). Тогда эта абстрактная общая модель-правоотношение превратится в индивидуальную модель-правоотношение. Но она может остаться не реализованной, если сторона не предпримет соответствующих мер для подачи жалобы в суд второй инстанции. И только в том случае, когда сторона представит в суд жалобу, можно считать, что гражданское процессуальное правоотношение-модель превратилось в индивидуальное правоотношение-отношение, порождающее, в свою очередь, реализацию других норм ГПК.

Таким образом, появлению гражданского процессуального правоотношения как фактического поведения предшествует наличие правоотношения-модели в нормах права. Необязательно, чтобы из каждого правоотношения-модели возникали конкретные фактические отношения. Однако любое фактическое гражданское процессуальное правоотношение в своем генезисе будет проходить этап «правоотношения-модели».

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ ПОЗНАНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Вартанова А.Б., Белорусский государственный университет

Сегодня практически ни один судья при рассмотрении и разрешении гражданских и хозяйственных дел не может обойтись без привлечения сведущих лиц для

разъяснения или консультации либо для производства экспертизы в тех сферах техники, науки, ремесла или искусства, где он не обладает достаточным и необходимым уровнем познания. Зачастую от привлечения либо не привлечения таких лиц напрямую зависят законность и обоснованность вынесенного решения.

Несмотря на отсутствие легального определения специальных познаний «теория» привлечения в процесс сведущих лиц, под которыми, чаще всего, понимаются эксперт и специалист, достаточно развита в науке. Традиционно в юридической литературе под специальными познаниями принято понимать систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе судопроизводства [1, с. 7].

Точно также, по традиции, в юридической науке не принято относить к специальным юридические познания. Если взглянуть на проблему поверхностно, то с данным положением можно и нужно согласиться. Иначе возникает вопрос: как судья, который обладает «системой теоретических юридических знаний, а также практическими навыками в области юриспруденции» может привлекать иное сведущее в юриспруденции лицо для решения правовых вопросов? Ведь заканчивая юридический ВУЗ, каждый юрист становится правоведом, а значит, судья должен обладать необходимыми юридическими знаниями для правильного разрешения дела.

Как справедливо отмечает Е.Р. Россинская, такой подход является устаревшим, в связи с тем, что процесс развития научного знания параллельно сопровождается его дифференциацией. Это означает, что и в юридической науке на сегодняшний день сложилась система общеизвестных (правовых) и специальных знаний [2, с. 74].

Так, к правовым знаниям относятся знания в сфере гражданского, хозяйственного права, гражданского, хозяйственного, уголовного судопроизводства. К специальным же знаниям в юриспруденции относятся судебная бухгалтерия, юридическая (правовая) психология, судебная медицина и судебная психиатрия, правовая статистика, которые хотя и изучаются при обучении на юридических факультетах, однако, безусловно, что этих базовых знаний недостаточно для самостоятельного применения их судьей без обращения к профессионалам, в нашем случае к сведущим лицам.

Кроме того, судья, рассматривающий дело, как правило, владеет знаниями только из определенных отраслей права и не в состоянии в необходимой степени ориентироваться во всех тонкостях современного обширного законодательства, которое к тому же постоянно изменяется [1, с. 13].

Таким образом, в качестве вывода отметим, что развитие научного знания привело к тому, что и в сфере юриспруденции есть смысл выделять область общеизвестных знаний (наиболее часто востребованных знаний) для практикующих юристов и специальных знаний, которыми судья может и не обладать.

По нашему мнению, признание такого положения вещей позволит на законных основаниях привлекать в процессе разрешения гражданских и хозяйственных

дел лиц, сведущих в той или иной области специальных юридических познаний, что, безусловно, не может не отразиться на качестве и эффективности судопроизводства.

Литература:

1. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. — М.: Норма, 2005. — 656 с.
2. Сорокотягина, Д.А. Теория судебной экспертизы: учебное пособие / Д.А. Сорокотягина, И.Н. Сорокотягин. — Ростов н/Д: Феникс, 2009. — 440 с.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Волчек А.В., Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь

Постоянное совершенствование технологий приводит к появлению новых способов закрепления информации, которые активно используются в современном обществе, в том числе, в сфере предпринимательской деятельности. Как результат, порой в хозяйственных спорах стороны могут подтвердить факты, на которые они ссылаются в обоснование своих требований и возражений, только с помощью информации, содержащейся на электронных носителях. На наш взгляд, вопросы использования подобной информации в хозяйственном процессе требуют пристального внимания, а их регулирование должно быть направлено на предотвращение необоснованного отказа в допустимости подобной информации как средства доказывания. Следует отметить, что отсутствие возможности представлять доказательства, которым нет альтернатив, препятствует эффективной защите прав и законных интересов в суде. Последнее может расцениваться как нарушение конституционного права на судебную защиту.

Стороны зачастую представляют в суд в качестве доказательств информацию на электронных носителях, в том числе файлы, содержащиеся на лазерных дисках, флэш-картах, жестких дисках ноутбуков, картах памяти мобильных телефонов, аудио- и видеокассетах, а также распечатки из различных электронных систем (например, распечатки Интернет-страниц, сообщений электронной почты, отдельных компьютерных файлов).

В процессуальной науке не выработано единого термина для обозначения информации, представляемой в суд на вышеуказанных носителях. Среди прочих, исследователи предлагают следующие термины: «машинные документы», «информация на технических носителях», «документы, подготовленные с помощью электронно-вычислительной техники», «компьютерные документы», «доказательства, полученные с помощью технических средств», «компьютерная информация», «электронные документы» и «электронные доказательства». Следует согласиться с М. В. Гореловым, что термин «электронные доказательства» является наиболее адекватным и соответствующим сущности рассматриваемого явления [1, с. 24].